

АРХЕТИПИЧЕСКАЯ ОСНОВА «ПЕСНИ О НИБЕЛУНГАХ»

© 2007 г.

Ю.Н. Бучилина

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

buchil@bk.ru

Поступила в редакцию 7.06.2007

Рассматривается анализ сюжета одного из главных памятников средневековой немецкой словесности, ставшего источником для создания многих литературных произведений более позднего времени. С помощью теории К.Г. Юнга, разработок Д. Кэмпбелла и Е. Мелетинского устанавливаются основные архетипы, специфические для каждой из частей поэмы. Они позволяют глубже проникнуть в сюжетную структуру и увидеть скрытые аллюзии на более архаические источники. Кроме того, такой анализ помогает за специфическим, индивидуальным материалом найти вечные образы для литературы всего человечества и осознать закономерности построения данного произведения.

Героическую поэму «Песнь о Нибелунгах», созданную в XII в., из-за многих наслоений называют средневековым рыцарским романом [1] и относят к кургуазному эпосу, не ощущая стоящей за внешней чинностью, пышными описаниями и официальной религиозностью имплицитно проявляющейся архаики.

Во многом эта архаика немецкого сказания совпадает со скандинавской. Одним из ее проявлений можно считать мотив вещего сна Кримхильды (Гудрун в «Саге о Вёлсунгах» и «Старшей Эдде»). Героиня видит своего суженого в зооморфном облике, что является отражением древних тотемистических представлений о супруге, его зооморфной природе [2].

Основной комплекс сюжетных архетипов, в том числе и имеющих древнейшее происхождение, связан с Зигфридом. Это сказание о драконе, роговой оболочке, о кладе Нибелунгов и о сватовстве (*Werbungssage*). Кроме того, в ходе повествования Зигфрид получает волшебные предметы, действие которых заменяет мотивы оборотничества и смены обличий, как это было, например, в «Саге о Вёлсунгах». Шапка – или плащ-невидимка – предметы, такие привычные для сюжета волшебной сказки, – генетически связаны с космическими и культурными объектами, которые добывает мифический или культурный герой. Такая трансформация, по мысли Е.М. Мелетинского, отражала движение от космического «творения» к индивидуальной психологии исполнения желаний, которое обещал чудесный предмет [7, с. 60].

Первое сказание связано с началом подвигов Зигфрида. Герой уходит из дома, и в пути с ним происходят различные приключения – испытания, то есть реализуется архетипическая

схема путешествий или «мономифа» Кэмпбелла.

С рождения герой обладает огромной мощью и силой (ст. 22, 25) [8, с. 14, с. 16]:

In sinen besten ziten, bi sinen jungen tagen
Man mochte michel wunder von Sivrieden sagen...
Nu was er in der sterche, daz er wohl waffen truoch:
Swes er da zuo bedorfte, des lag an im genuoch [3].

Это характерно для архетипического героя, правда, в «Песни о Нибелунгах» не рассказывается о необыкновенных подвигах Зигфрида-ребенка, что А. Хойслер связывал с неосведомленностью шпильмана об этих мотивах. По немецкой версии, Зигфрид-Сигурд искупался в крови дракона и стал неуязвимым для любого оружия (как Ахилл в древнегреческих мифах) [4]. Этот мотив коррелирует с мотивом поедания драконьего сердца, в результате чего герой обретает мудрость и может понимать язык птиц. Причем и там и там видна особая роль крови. Всего лишь капля крови попадает на язык Сигурда, но этого оказывается достаточно для узнавания птичьего говора. Скорее всего, это связано с древними обрядами, с особым отношением к крови и телу поверженного врага (в функции передача силы, древних знаний). Так, например, во второй части «Песни о Нибелунгах» Хаген призывает пить кровь врагов, чтобы утолить жажду и набраться сил, он называет ее лучшим напитком (2171) [8, с. 692]:

Do sprach von Tronege Hagene: «ir edeln ritter guot,
Swen der durste nu twinge, der trinche hie daz bluot.
Daz ist in solhen noten noch bezzer danne win.
Fur trinchen und fur spise kan niht anders nu gesin» [5].

Мотив «драконоборчества» обычно связан с добыванием охраняемого драконом сокровища. В «Песни о Нибелунгах» таких сокровищ два.

Одно из них — охраняемое драконом золото, а второе Зигфрид получает, убив в поединке двух братьев Нибелунгов, владельцев несметного клада. Об этом мы узнаем из рассказа Хагена. Короли-великаны просят Зигфрида помочь им поделить клад, но, недовольные дележом, нападают на него, отчего и погибают. Таким образом, здесь сплетаются сразу несколько мотивов: и клада, и распространённого в сказке мотива о разрешении спора, в результате которого спорный предмет достаётся главному герою. Первоначально эти действия, скорее всего, соответствовали архетипу борьбы с хтоническими существами, драконами, карликами или великанами, образы которых из мифа затем перешли в сказку. Рассказывает Хаген и о карлике Альбрихе, и о том, как Зигфрид получил от него плащ-невидимку.

В скандинавской версии этому предшествовала следующая ситуация: боги (Один, Хенир и Локи) отдали клад великану Хрейдмару в качестве выкупа за убитого сына Отра. Сокровища уже были прокляты карликом Андвари и должны были приносить гибель своему владельцу, что и подтвердилось смертью великана от руки своего сына Фафни(ра). Он превращается затем в змея (дракона), с которым и сражается Сигурд. В «Старшей Эдде», в одной из версий, герои (Хёгни и Гуннар) также умирают из-за проклятого сокровища. В «Песни о Нибелунгах» клад выступает как символ власти и могущества, источник силы. В поэме нет объяснения того, почему он приносит зло, так как нет сюжетной линии, связанной с проклятием клада.

Самым интересным из архетипических мотивов, связанных с Зигфридом, безусловно, является его сватовство, имеющее сложную сюжетную и архетипическую структуру. Героическое сватовство в эпосе как таковое — параллель к свадебным испытаниям и женитьбе на царевне в сказке. Зигфрид помогает брату своей возлюбленной (Гунтеру) добыть невесту, чтобы потом жениться на его сестре (Кримхильде). Для этого он надевает плащ-невидимку и под видом Гунтера побеждает деву богатырской силы (Брюнхильду) в трех состязаниях. Она же думает, что все это сделал Гунтер. Кроме того, Зигфрид помогает укротить ее в первую брачную ночь. На наш взгляд, здесь можно говорить о выделенном Е.М. Мелетинским архетипическом мотиве подмены и идентификации, причем за одним действием обязательно следует другое.

Сватовство Зигфрида к Брюнхильде — самый неоднозначно интерпретируемый мотив в германском и скандинавском эпосе.

В.М. Жирмунский полагает, что это сказание связано с ролью свата в древнем свадебном обряде (как заместителя жениха) с определёнными правами на невесту в качестве представителя родового коллектива. То, что считалось нормальным раньше, становится преступлением в понимании людей более позднего времени. Он приводит в пример русскую сказку, в которой слуга царевича выступает помощником в сватовстве к богатырской деве и укрощает её на брачном ложе, а когда она узнаёт об обмане, то мстит ему. Жирмунский считает это свидетельством существования широко распространённого сюжета древней богатырской сказки, основанной на бытовавших когда-то брачных обычаях, отразившегося в немецком сказании, что вполне вероятно, так как сказка может быть архаичнее, чем эпическая поэма, и лучше сохраняет старину [9, с. 44].

В.М. Жирмунский, признавая мнение о том, что сказочные элементы могут восходить и к древнейшим сказочным мотивам, и к позднейшим заимствованиям или являться просто литературными источниками для эпоса, приходит к выводу, что сказания о кладе содержат целую систему мотивов, восходящих, по-видимому, к древней богатырской сказке. Однако Зигфрид погибает не как сказочный герой, а как эпический. В.М. Жирмунский объяснял это тем, что в эпической исторической действительности нет места для сказочного богатыря [10, с. 108]. Зигфрид должен жить в царстве сказки, а не при дворе феодального короля Гунтера. Уязвимость Зигфрида — условная, и, с точки зрения эволюции сюжета, это позднейший мотив, примиряющий представление о сказочной неуязвимости с рассказом о его гибели [11, с. 20].

Но есть и другие теории. Например, А. Хойслер считал борьбу с невестой признаком более поздней ступени развития сказания в фольклоре [9, с. 373]. Саму борьбу равных по силе богатырей — Зигфрида и Брюнхильды — можно классифицировать как архетипический мотив и, кроме того, как один из древнейших сюжетов противостояния мужчины и женщины.

Если Зигфрида можно архетипически соотнести с культурным героем, то его убийцу Хагена — с противостоящей ему «Тенью» («Тень» — это, в концепции Г. Юнга, оставшаяся за порогом сознания бессознательная часть личности, которая может выглядеть как демонический двойник). В рамках

литературного произведения этот архетип воплощается в образе трикстера, культурного героя «наизнанку». Он неумело или нарочито неправильно подражает действиям первого или открыто вредит тому. Такой парой в мифах часто выступали братья-близнецы. В скандинавской и древнегерманской мифологии это Один и Локи. В литературе более позднего времени этот архетип воплотился в образ плута. Трикстер совершает свои поступки ради утоления собственной жадности или других желаний в ущерб другим. Так, Локи становится причиной гибели всеми любимого сына Одина Бальдра, из-за него тот не может снова вернуться из царства мертвых. Локи ничего не стоит затеять ссору с богами, но, когда возникает сложная ситуация, обычно только он с помощью своей хитрости и ловкости может ее разрешить. То же самое мы видим и в случае с Хагеном. Он, руководствуясь исключительно своими индивидуальными мотивами, убивает из зависти самого лучшего воина и героя, Зигфрида, хитростью выведывая у Кримхильды тайну о его уязвимости, а затем отбирает клад, оставленный ей мужем [12]. Но вместе с тем он верный вассал своих королей, всегда стоящий на страже их интересов и не раз спасавший их из трудных ситуаций. В этом состоит парадокс его образа, обозначенный как удивительное сочетание «верности и неверности».

Следующим архетипическим мотивом, раскрывающимся во второй части поэмы, является мотив путешествия, во время которого герои переправляются через реку (граница разных сфер), причем обратного пути у них уже нет, так как Хаген, зная будущее, уничтожил лодку, чтобы отрезать пути к отступлению, проявив таким образом свой героический характер.

В конце этого путешествия их ожидает вероломство Кримхильды, делающей все возможное, чтобы осуществить свою месть и наказать обидчиков. Она подстрекает своих вассалов на бой с гуннами, после чего Хаген отрубает голову ее сыну. Она заставляет поджечь зал, где пируют ее братья, и звонкий, веселый пир превращается в поминальную тризну. Гибнут, героически сопротивляясь, Гернот, Гизльхер и их люди, а также вассалы Этцеля, в том числе и образец рыцарской чести и верности Рюдегер, и многие другие славные воины, число которых в эпических масштабах достигает многих тысяч. Трагически погибает последний из братьев-королей, Гунтер, которому по приказу сестры отрубает голову. Гибнут и Хаген с Кримхильдой. Причем обстоятельства гибели Гунтера и Хагена

совпадают со скандинавской (более архаической) версией сказания. Возможно, что подобные испытания близких, в верности и молчании которых герои были абсолютно уверены, соотносятся с древними ритуалами человеческого жертвоприношения.

Подводя итоги анализа архетипической основы «Песни о Нибелунгах», хотелось бы еще отметить, что мрачный характер ее второй части далеко не случаен. На наш взгляд, этот сюжетный блок построен целиком на одном глобальном архетипе, проявившемся уже в скандинавской и древнегерманской мифологии (на-

пример, в песнях «Старшей Эдды» о богах). Это архетип творения, вывернутый «наизнанку» и превратившийся в эсхатологический (т.е. повествующий о конечности мира, о неминуемой гибели, о разрушении из-за нарушения обетов, клятв, моральных норм). Ведь Гунтер и Хаген, согласившись на убийство Зигфрида, нарушили клятву побратимства, считавшуюся священной. Зигфрид же, умирая, унёс все лучшее с собой, оставив бургундам позор и стыд за содеянное ими преступление, которое в конечном счете привело к катастрофе, гибели всех героев.

Список литературы и примечания

1. На этом положении особенно настаивал С.М. Боура.
2. Именно брак с тотемическим супругом первоначально являлся сказочно-мифологическим изображением нормального брака, то есть экзогамного, за пределами своего рода. Он противопоставлялся «неправильному» инцестуальному браку. Интересно, что если «другой» род выступал частично в зооморфном виде, то «свой» род представлял антропоморфным.
3. Ещё юнцом безусым был королевич смелый, / А уж везде и всюду хвала ему гремела... / Стал скоро в состоянье носить доспехи он, / Затем что был с рождения бесстрашен и силён... (перевод Ю. Коренева) [12, с. 361–362].
4. Интересная параллель находится в немецкой поэме «Орендель» конца XII в., её главный герой находит серый хитон, некогда облекавший тело Христова, у которого та же функция, что и у роговой оболочки Зигфрида, а именно он делает своего владельца неуязвимым. Таким образом, этот мотив был довольно распространённым.
5. Ответил Хаген: «Витязь, коль жажда вас томит, / Не погнушайтесь кровью тех, кто в бою убит, – / Она в подобном пекле полезней, чем вино. / К тому ж других напитков тут не сыщешь всё равно» [12, с. 598].
6. Так, во всяком случае, ясно из текста поэмы, по более древним сказаниям, Хаген — сын альба,

злобного существа, убитого отцом Сигурда, поэтому он мстит Сигурду за отца.

7. Мелегинский Е.М. О литературных архетипах. – М.: РГГУ, 1994. – 136 с.

8. Das Nibelungenlied. Düsseldorf-Zürich: Artemis & Winkler, 2005. 855 S.

9. Хойслер А. Германский героический эпос и сказание о Нибелунгах / Вступ. статья В.М. Жирмунского. – М.: Ин. лит, 1960. – 488 с.

10. История всемирной литературы / Под ред. Х.Г. Короглы, А.Д. Михайлова. Т. 2. – М.: Наука, 1984. – 672 с.

11. Жирмунский В.М. Народный героический эпос. – М.-Л.: ГИХЛ, 1962. – 437 с.

12. Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. – М.: ИХЛ, 1975. – 752 с.

ARCHETYPAL BASE OF THE NIBELUNGENLIED

Yu.N. Buchilina

An analysis is presented of the plot of one of the main monuments of medieval German literature that has become a source for writing many works of later times. With the aid of Jung's theory and on the basis of D. Campbell's and E. Meletinsky's work, principal archetypes are established. These archetypes are specific for each part of the poem. They enable readers to fathom deeper the plot's structure and to see ulterior allusions to more archaic sources. Besides, this analysis helps to find the eternal imagery for the literature of all humanity in specific individual material and to understand the work's structural patterns.